

ваны, что затрудняет выяснение их распространения. Например, *кый* 'пиявка (водяной червь)' не снабжено пометой. Это слово не имеет широкого распространения, оно известно только в дер. Кырс.

Отмечены далеко не все значения у целого ряда слов: *бурул'л'у* означает не только 'василек', но и 'купальница'; *кõзла* 'коля, воткнутые наперекрест с перекладиной (для сушки снопов)', но и 'козлы для распиловки дров'; *л'апапи* 'головастик', но и 'подлец, подлещик (рыба)'; *л'энт'и* 'линь (рыба из семейства карповых)', но и 'мелкий карась'; *пл'эшка* 'плешь, плешина, открытое место', но и 'песчаный островок на реке'.

В словаре встречаются неточно записанные слова, часть из них, вероятно, связана с опечатками: *боб*: *зырым* ~ вместо *бõб*: *зырым* ~ 'сопливец, сопливица'; *жмача* вместо *жмага* 'толстый червяк', *онлод* вместо *онлõд* 'курья, заводь (речной залив)'; *Рога туй* вместо *Роча туй* и *Рога пурис* вместо *Роча пурис*'. Последние два являются топонимами и связаны с прозвищем *Роча* (дер. Шежам). *Ли-*

мандра 'имандра (сорт картофеля)' в дер. Шежам имеет форму *эмандра*. *Ослõп* 'ослоп, жердьяй, неуклюжий и рослый человек' в дер. Шежам вытепует в форме *õслõпан*.

Слово *орд*, встречающееся в названиях мелких деревень, не имеет значения 'сикт', а указывает на принадлежность или отношение к кому-либо в прошлом. Об этом ясно говорят сами названия: *Он'чэ пи орд* 'принадлежащий сыну Андрея', *С'илõ орд* 'принадлежащий Силантюю' и т. д.

Монографию завершают образцы текстов с переводами на русский язык.

Несмотря на указанные недостатки, рецензируемое исследование дает полное представление о нижневыхгодском диалекте коми языка. Автор, большой знаток коми диалектов, провела огромную работу по сбору и систематизации фактического материала. Книга будет полезна не только специалистам по пермским языкам, но и учителям, краеведам и студентам.

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.4.14>

В. И. Алатырев, Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов, Ижевск 1976 (Вопросы удмуртского языкознания, вып. 4). 173 с.

Помещенные в выпуске обе работы В. И. Алатырева содержат этимологии удмуртских слов и аффиксов. Это видно и из заглавия второй работы («Этимология некоторых слов»). Что касается первой («Именные деривационные аффиксы»), то при анализе словообразовательных аффиксов удмуртского языка *-ал*, *-алтэ*, *-аш*, *-гар*, *-ло*, *-ор* и др. (всего 28 единиц с вариантами) автор дает этимологии почти всех удмуртских слов, с которыми эти аффиксы употребляются. Таким образом, работа содержит этимологические информации в несравненно большем объеме, чем это обещано в ее заглавии.

Нужно сказать, что В. И. Алатырев учтено все существенное, что было разяснено его многочисленными предшественниками в области этимологии и истории слов как в финно-угорских, так

и в тюркских языках (этимологические штудии Й. Буденца, Г. Якобсона, Б. Коллиндера, Х. Паасонена, Э. Н. Сетяля и других по финно-угорским, Б. Мункачи, Т. Э. Утилы, В. И. Лыткина, Б. А. Серебренникова и других по пермским, М. Рясненна, В. Г. Егорова, М. Р. Федотова и других по тюркским языкам). Это и явилось гарантией того, что предложенные этимологии установлены с соблюдением принятых в финно-угроведении классических приемов сличения слов при учете специфики финно-угорских языков с их особой исторической морфологией и фонетикой.

Продолжая начатый другими авторами анализ того или иного слова, В. И. Алатырев на основании добытых им материалов углубляет и уточняет этимологии. Так, удм. *тарканы* 'разбросать' В. И. Лыткин сопоставлял с коми

таргайтны 'транжирить' и общеперм. **тарк*-, Алатырев, привлекая дополнительные факты, убедительно показывает тюркское происхождение этого слова (с. 153; ср. тат. *таркау*, башк. *таркаш*, узб. *таркок* то же). Не лишен интереса набор фактов, предлагаемых для уточнения генезиса аффикса *-алтэ*.

Автор не ограничивается рамками финно-угорских и тюркских языков, когда позволяет существующая литература, он проследживает его в более широком масштабе. Как известно, первоисточником для многих современных тюркских слов оказывается арабский язык.

На фоне последовательного и стройного изложения достойны сожаления некоторые недоработки. О них будет сказано ниже.

В отношении установления арабизмов в финно-угорских и тюркских языках автор проявляет излишнюю сдержанность, ограничиваясь в каждом конкретном случае лишь заявлением о том, что данное слово «в тюркских языках считается арабским заимствованием» (напр. *мыскал* 'золотник', с. 27, *кабыл*, *кабул* 'согласие; решение', с. 93), иногда это заявление сопровождается ноткой сомнения, например в отношении удм. *мыскыл* 'насмешка' (с. 95), *мыскара* 'шутник' (с. 149). Между тем арабизм этих слов никак нельзя подвергать сомнению, так как об этом говорит само их построение, неестественное для тюркских языков и вполне ясное с точки зрения арабского словопроизводства. На эти факты и опираются специалисты, когда подобные слова возводят к арабскому миру. Для иллюстрации сошлюсь на один пример (который у Алатырева не приводится по той простой причине, что это слово не могло служить примером в рамках его темы): удм. *макмыр* 'похмелье', мар. *мокмыр* 'похмелье' не поддается объяснению на финно-угорской почве. Это слово из арабского полу-

чили все тюркские языки (и не только тюркские). И что *макмыр*, несомненно, арабское слово, явствует из того, что оно наглядно этимологизируется на арабской почве: *ма* — префикс причастия страдательного залога, *хамыр* 'вино', в целом 'некто подвергшийся воздействию алкогольного напитка', т. е. 'хмельной'. То же нужно сказать о достоверности этимологий персидских заимствований в тюркских и финно-угорских языках типа *шух*, *шог* 'резвый' и т. д. (с. 116—117).

К сожалению, в работе встречаются стилистические погрешности и просто *lapsus linguae*. Например, совершенно справедливо сопоставляя удм. диал. *калып* 'колодка' с соответствующими вариантами в тюркских языках, автор проследживает его до арабского источника и даже до древнегреческого, откуда это слово заимствовали арабы. Эта правильная мысль и высказана автором: «По мнению В. Г. Егорова, тюрки приняли это слово от арабов, а арабы от греков» (с. 99). Нигде не видно, чтобы Алатырев возражал против этого утверждения. Но тогда совершенно непонятно признание автора, высказанное вслед за этим предложением, что у него есть свое мнение (в отличие от кого?): «С нашей точки зрения, — продолжает тут же автор, — слово *калып* в удмуртский язык вошло непосредственно из татарского языка» (с. 99).

Приходится сожалеть, что автором не учтены работы: А. J. Joki, *Uralier und Indogermanen*, Helsinki 1973 (MSFOu 151); Gy. Décsy, *Einführung in die finnisch-ugrischen Sprachen*, Wiesbaden 1965.

Несмотря на перечисленные недочеты, работа имеет большое значение для удмуртского и финно-угорского языкознания в целом.

М. П. ЧХАИДЗЕ (Тбилиси)